

ПОВЕСТЬ О МАХАТМЕ , СЛОВАМИ ГАНДИ (Продолжение)

Детский брак

Мне очень не хотелось бы писать эту главу: немало горьких воспоминаний придется воскресить для этого. Но не могу иначе, так как не хочу отступать от истины. Я считаю своей тяжелой обязанностью рассказать о том, как меня в тринадцать лет женили. Когда я смотрю на ребят этого возраста, находящихся на моем попечении, и вспоминаю свой брак, мне становится жаль себя и радостно от сознания того, что их не постигла та же участь. Я не нахожу никаких моральных доводов, которыми можно было бы оправдать столь нелепые ранние браки.

Пусть читатель не заблуждается: меня женили, а не обручили. В Катхиаваре существует два различных обряда — обручение и заключение брака. Обручение — это предварительное обещание родителей мальчика и девочки соединить их браком. Обещание это может быть нарушено. Смерть мальчика не влечет за собой вдовства для девочки. Это соглашение между родителями, и детей оно совершенно не касается. Часто они даже не знают о нем. По-видимому, я был обручен три раза, не зная об этом. Мне сказали, что две девочки, которых для меня выбрали, умерли одна за другой, отсюда я и делаю вывод, что был обручен трижды. У меня сохранилось очень слабое воспоминание о моем обручении в семилетнем возрасте. Не помню, чтобы мне говорили об этом. В этой главе речь пойдет уже о женитьбе, которую я хорошо помню.

Я уже сказал, что нас было три брата. Старший был к тому времени женат. Родители решили женить одновременно моего среднего брата, который был двумя или тремя годами старше меня, двоюродного брата, который был старше меня едва ли на год, и меня. При этом они мало заботились о нашем благополучии и еще меньше — о наших желаниях; принимались во внимание только удобство и экономические соображения — старших.

Браки у индусов — вещь сложная. Очень часто затраты на брачные обряды разоряют родителей жениха и невесты. Они теряют состояние и массу времени. Месяцы уходят на изготовление одежды и украшений, на добывание денег для обедов. Каждый старается перещеголять другого числом и разнообразием предлагаемых блюд. Женщины, обладающие красивыми голосами и совсем безголосые, поют, не давая покоя соседям, до хрипоты, а иногда даже заболевают от этого. Соседи относятся ко всему этому шуму и гаму, ко всей грязи, остающейся после пиршества, совершенно спокойно, потому что знают — придет время и они будут вести себя точно так же. Старшие считали, что лучше покончить со всем этим в один прием: меньше расходов и больше пышности. Можно было тратить деньги не стесняясь, так как расходы предстояло делать не трижды, а один раз. Отец и дядя были уже в преклонном возрасте, а мы были последними детьми, которых предстояло женить. Возможно, им захотелось хорошенько повеселиться напоследок. Из этих соображений и было решено устроить тройную свадьбу.

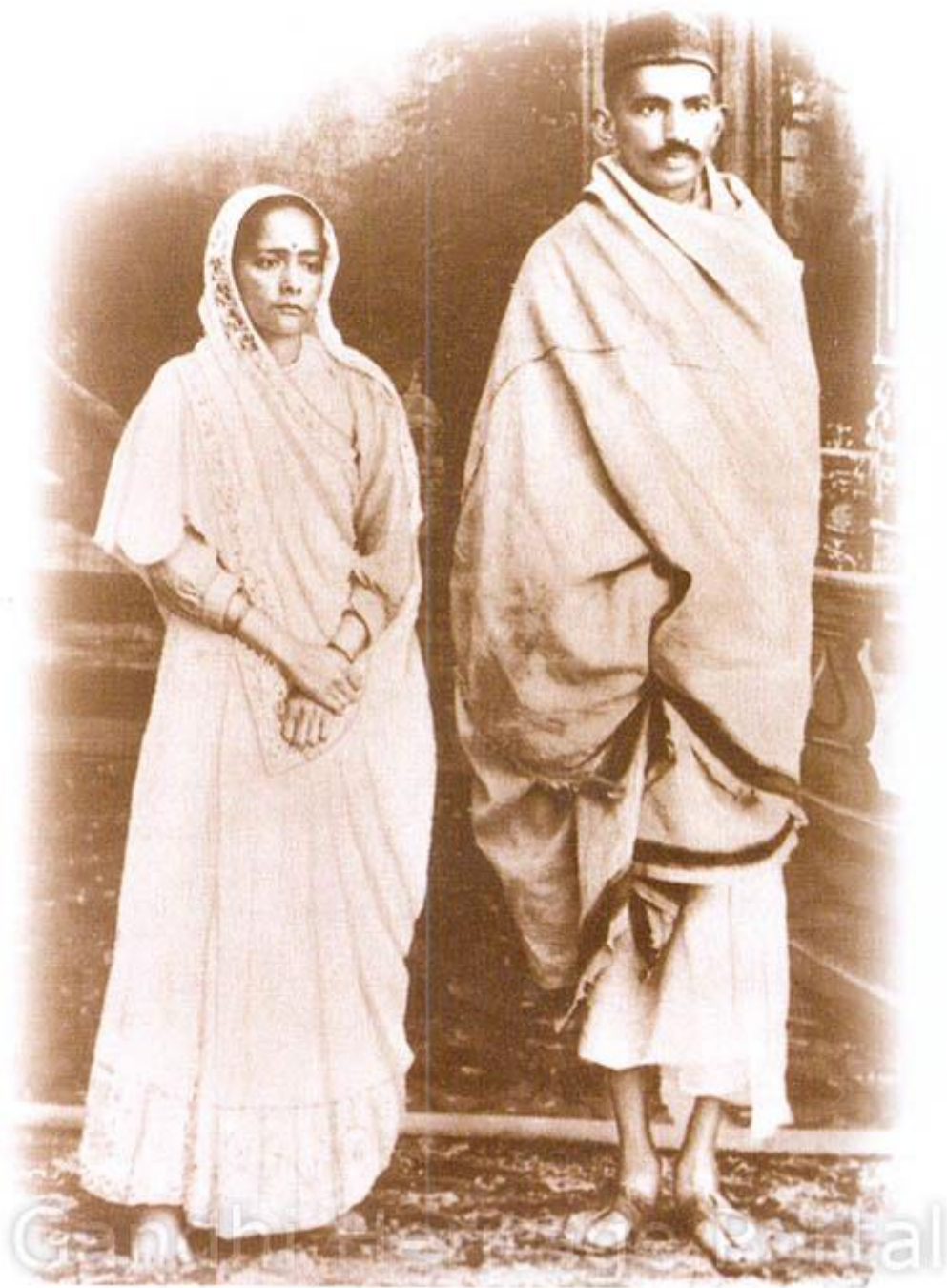
Как я уже говорил, приготовления к торжеству заняли несколько месяцев. Лишь по этим приготовлениям мы узнали о предстоящем событии. Мне кажется, что для меня оно было связано только с ожиданием новой одежды, барабанного боя, свадебной процессии, роскошных обедов и незнакомой девочки для игры. Плотские желания пришли потом. Опускаю занавес и не буду описывать ощущение стыда, которое я испытал. Расскажу лишь о некоторых подробностях, но сделаю это позднее. Они не имеют отношения к основной идее, ради которой я начал писать книгу.

Итак, я и мой брат были привезены из Раджкота в Порбандар. Финальной драме

предшествовали кое-какие любопытные детали (например, наши тела натирали куркумной мазью), но все эти подробности я опускаю.

Мой отец, хотя и занимал пост Дивана (глава администрации), все же был слугой, и его зависимое положение усугублялось еще и тем, что он пользовался благосклонностью правителя. Тот до последнего момента не хотел отпускать его. А когда, наконец, согласился, то заказал для отца почтовую карету, чтобы сократить путешествие на два дня. Но судьба решила иначе. Порбандар находится в 120 милях от Раджкота, в пяти днях езды на лошадях. Отец проделал этот путь в три дня, но при смене третьих перекладных карета опрокинулась и отец сильно расшибся. Он приехал весь забинтованный. Вследствие этого и наш и его интерес к предстоящему событию наполовину уменьшился, но церемония все же должна была состояться. Разве можно откладывать свадьбу? Однако детское восхищение свадебной церемонией заставило меня забыть о горе, вызванном несчастным случаем с отцом.

Я был предан своим родителям, но не менее предан и велениям плоти. Лишь впоследствии я понял, что ради родителей следует жертвовать счастьем и всеми удовольствиями. И в наказание за мою жажду удовольствий произошел случай, который до сих пор терзает меня и о котором я расскажу позже... Отец мужественно превозмогал боль и принимал самое деятельное участие в свадьбе. Даже сейчас помню, где он сидел во время свадебных обрядов. Тогда я не предполагал, что со временем буду строго осуждать отца за то, что он женил меня ребенком. Но в тот день все выглядело правильным, необходимым и приятным. Мне и самому очень хотелось, чтобы меня женили. И все, что делал отец, казалось безупречным. Как сейчас помню события того дня: как мы сидим под свадебным балдахином, исполняем саптапади (обряд первых семь совместных шагов), как мы, молодые муж и жена, кладем друг другу в рот сладости и как мы начинаем жить вместе. Та первая ночь! Двое невинных детей, бездумно брошенных в океан жизни. Жена брата старательно осведомила меня, как я должен вести себя в первую ночь. Кто наставлял мою жену — не знаю. Я никогда не спрашивал ее об этом, да и теперь не намерен этого делать. Смею уверить читателя, что мы так нервничали, что не могли даже взглянуть друг на друга. Мы, разумеется, были слишком робки. Как заговорить с ней, что сказать? Наставления так далеко не заходили. Да они и не нужны в подобных случаях. Жизненные впечатления, полученные человеком с раннего детства, настолько сильны, что всякие поучения излишни. Постепенно мы стали привыкать друг к другу и свободно разговаривать. Хотя мы были одногодки, я поспешил присвоить себе авторитет мужа.

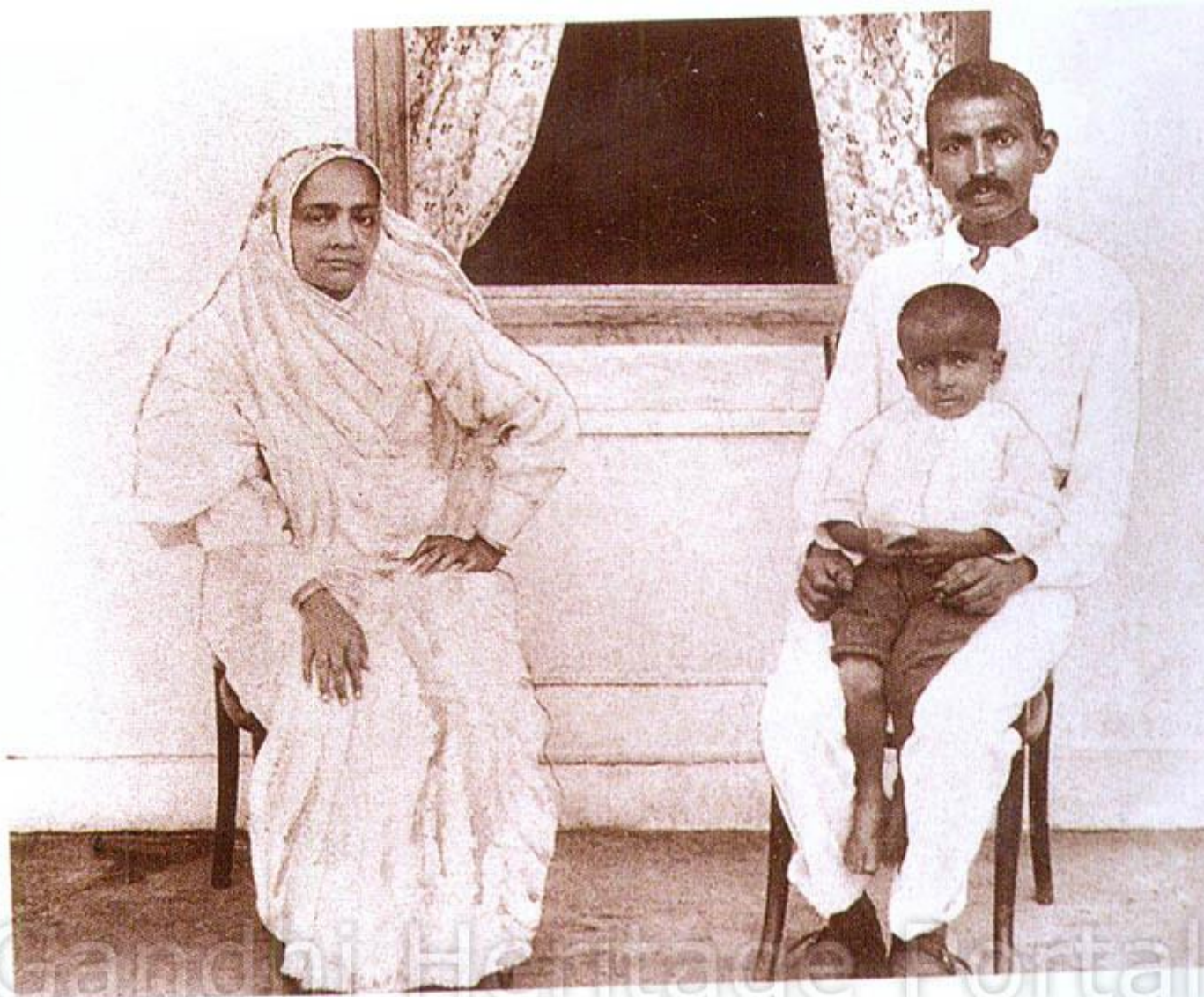

В роли мужа

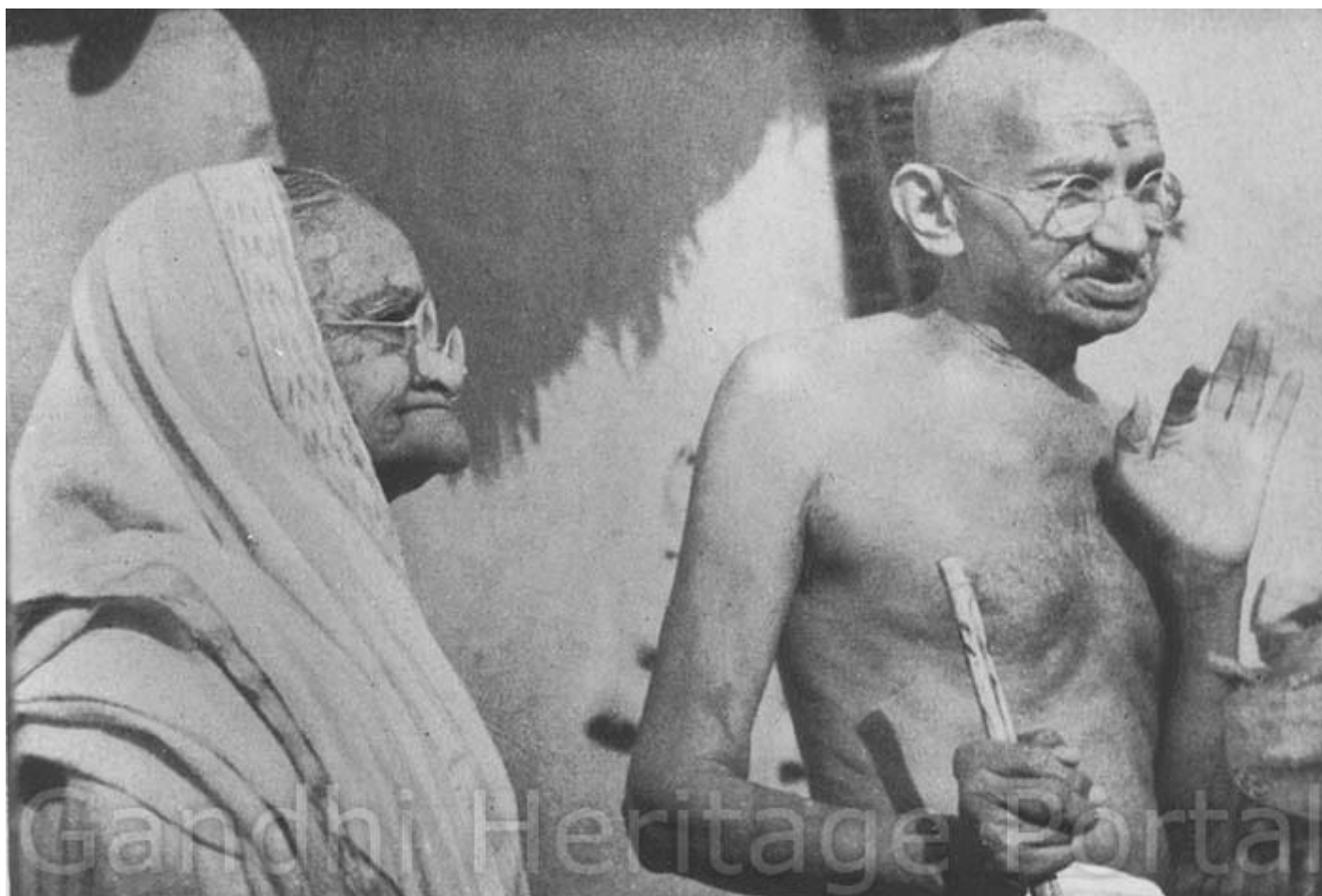
В те времена, когда был заключен мой брак, выпускались небольшие брошюрки ценой в одну пайсу или пай (самые мелкие монеты - забыл точную цифру). В них говорилось о супружеской любви, бережливости, детских браках и т.п. Я читал их от корки до корки, но тут же забывал все, что мне не нравилось, и принимал к сведению то, что нравилось. Вменяемая этими брошюрками в обязанность мужу верность жене в течение всей жизни на всегда запечатлелась в моем сердце. К тому же я и сам был страстным поборником правды, и о том, чтобы лгать жене, не могло быть и речи. Да и почти невероятно было, чтобы в таком юном возрасте я мог ей изменять. Но урок верности имел и свою неприятную сторону. «Если я должен быть верен жене, то и жена должна быть верна мне», — думал я. Мысль об этом

сделала меня ревнивым мужем. Ее обязанность легко превращалась в мое право требовать от нее абсолютной верности, что вынуждало меня постоянно следить за ней. У меня не было никаких оснований сомневаться в верности жены, но ревность слепа ко всем доводам. Я следил за каждым ее шагом, она не смела выйти из дома без моего разрешения. Это сеяло семена раздора между нами. Налагаемый мной запрет был фактически чем-то вроде тюремного заключения, но не такой девочкой была Кастурбай, чтобы легко подчиниться подобным требованиям. Она желала ходить, куда хочет и когда хочет. Чем больше я ей запрещал, тем больше она себе позволяла и тем больше я злился. Мы, женатые дети, сплошь и рядом отказывались разговаривать друг с другом. Думаю, что Кастурбай не обращала внимания на мои запреты без всякой задней мысли. Какие запреты могла нарушить простодушная девочка тем, что уходила в храм или к подругам? И если я имел право запрещать ей что-либо, то разве у нее не было такого же права? Сейчас мне все это совершенно ясно. Но тогда я считал, что должен поддерживать свой авторитет мужа!

Я уже сказал, что Кастурбай была неграмотна. Мне очень хотелось обучить ее, но страстная любовь не оставляла времени для этого. К тому же обучать ее приходилось против ее воли и только ночью. В присутствии старших я не осмеливался не только разговаривать, но даже встречаться с ней. В Катхиаваре существовал и до известной степени существует и теперь бессмысленный и варварский обычай укрываться пардой (покрывало). Обстоятельства, следовательно, не благоприятствовали нам. Должен поэтому признаться, что мои усилия обучить Кастурбай в дни юности были безуспешны. А когда я, наконец, очнулся и сбросил оковы похоти, меня уже влекла общественная деятельность, и свободного времени оказалось мало. Не удалась также и моя попытка обучить ее с помощью частных учителей. В результате Кастурбай и сейчас с трудом выводит буквы и говорит только на простонародном гуджарати. Уверен, что она стала бы образованной женщиной, если бы моя любовь к ней была совершенно свободна от вожделения. Мне удалось бы тогда преодолеть ее отвращение к занятиям. Я знаю, что для чистой любви нет ничего невозможного.

Я уже упомянул об одном обстоятельстве, которое более или менее уберегло меня от разрушительного действия страсти. Следует отметить еще и другое. Многочисленные примеры убедили меня, что бог неизменно спасает тех, кто чист в своих побуждениях. Наряду с жестоким обычаем детских браков в индусском обществе существует другой обычай, до известной степени ослабляющий пагубные последствия первого. Родители не разрешают молодой чете долго оставаться вместе. Ребенок-жена большую часть времени проводит в доме своего отца. Так, в возрасте от 13 до 18 лет мы были вместе в общей сложности не более трех лет. Не проходило и шести месяцев, чтобы родители жены не приглашали ее к себе. В те дни подобные приглашения были очень неприятны, но они спасли нас обоих. Восемнадцать лет я уехал в Англию. Это означало длительную и благотворительную для нас разлуку. Но и после моего возвращения из Англии мы не оставались вместе более полугода, так как мне приходилось метаться между Раджкотом и Бомбеем. Потом меня пригласили в Южную Африку. Но к тому времени я уже в значительной степени освободился от чувственных вожделений. (Продолжение следует)